

Объём информации явно оказался для классного руководителя слишком большим. Она дважды переспросила «Правда?», а затем замолчала, её взгляд уплыл в угол комнаты.

Классный руководитель молчала очень долго, гораздо дольше, чем Ду Ицзэ. Её тонкие брови сдвинулись, будто сплетённые в косу, указательный палец легко постукивал по столу. Только когда закончилась утренняя зарядка и другие учителя начали возвращаться в кабинет, она очнулась.

Классный руководитель сказала Ду Ицзэ так тихо, что другие не услышали:

— Я знаю, что у тебя дома трудности, но я не хочу, чтобы это повлияло на твою учёбу. Я могу помочь тебе подать заявку на городскую стипендию, я готова выделить часть своей зарплаты, чтобы помочь тебе...

Ду Ицзэ прервал её:

— Не надо.

— Почему не надо?

— Я не хочу, мне не нужны деньги.

Классный руководитель медленно вздохнула, нерешительно проговорив:

— Сейчас для тебя самое важное — это учёба. Если...

— Нет! — Ду Ицзэ внезапно выкрикнул из горла, и этот крик привлёк внимание всех учителей в кабинете. Он поднялся со стула, сжал губы, сжал кулаки, плечи его сильно дрогнули дважды, и, не оглядываясь, он вышел из кабинета.

После ужина в тот день Ду Ицзэ сказал, что идёт к Ли Миньюю учиться, но в одиночку пробрался на крышу. На крыше были натянуты запутанные верёвки для сушки белья, Ду Ицзэ пробирался сквозь огромные простыни и одеяла. Лавки внизу уже были убраны, в окнах напротив горели редкие огни. Ни облачка на небе, луна светила ярко, звёзд было мало, на луне не было ворсинок — это означало, что завтра дождя не будет, снова будет ясный день, всё будет идти как по маслу, подобно вращению Земли.

Он стоял на краю крыши, носок одной ноги уже висел в пустоте, под заплатанными шортами оба колена слегка ныли. Осенний прохладный ветер раздувал его футболку, забирался под штанины, отчего он казался худым, хрупким, готовым вот-вот упасть. Он закрыл глаза, раскинул руки, готовый слиться со свободным ветром.

В тот момент в ушах Ду Ицзэ раздался знакомый, назойливый крик.

— Сяо Ду! Сяо Ду!

Голос приближался. Ли Миньюй, прижавшись к стене, увидел, как силуэт Ду Ицзэ мелькает за развевающимися простынями. Он тут же бросился вперёд, стремительно пролетел через пропахшую стиральным порошком крышу, протянул руку, схватил Ду Ицзэ за подол и резко стащил его вниз:

— Что ты тут делаешь, дуешься ночью на ветру!

Ду Ицзэ шлёпнулся обратно на площадку, встал и спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Ты же сказал, что придёшь ко мне сегодня вечером учиться... Что такое? Тебе грустно? — Обнаружив, что Ду Ицзэ молчит, Ли Миньюй осторожно спросил:

— Из-за сегодняшнего?

— Что ты слышал? — Тон Ду Ицзэ не допускал возражений.

Ли Миньюй честно ответил:

— Я... слышал, ты ударил директора, — и тут же добавил:

— Но даже если ты и правда ударил его, то это точно потому, что этот ублюдок сделал что-то, что тебя разозлило!

Ду Ицзэ приподнял веки:

— Я действительно ударил его.

— Ну и ударил! Что в этом такого? Всё равно он выглядит нехорошим человеком. Скажи, все страдают, а он почему живёт так хорошо? Наверняка втихаря занимается какими-то грязными делишками! — Ли Миньюй обхватил его за плечи и повёл к лестнице. — Но говоря об этом, я до сих пор не могу понять, ты думаешь, это всё закончилось? Моя мама в прошлый раз говорила, что на месте завода, где она раньше работала, построят новую компанию — ту самую, где мы постоянно видим сидящих с протестами... Но раз открывают новую компанию, почему не берут их? — Ли Миньюй продолжал без остановки. — Ещё я слышал от одноклассников, что одна девочка из нашего класса теперь занимается торговлей телом, в школу больше не ходит. Это значит, что она продаёт мясо?

Они спускались по узкой лестнице при тусклом свете, Ли Миньюй впереди, Ду Ицзэ сзади. Произнося каждую фразу, Ли Миньюй оборачивался, чтобы посмотреть на выражение лица Ду Ицзэ, хотя в таких условиях он точно не мог его разглядеть, но он обязательно оборачивался, чтобы убедиться, что тот идёт за ним.

Ду Ицзэ кивнул:

— Да, это торговля мясом.

— Должно быть, это очень выгодно! Где её семья берёт столько мяса? Как думаешь, какое мясо она продаёт? Свинину или говядину?

Ду Ицзэ положил руку на плечо Ли Минъюя, немного помедлил и ответил:

— Курятину.

— Аж проголодался, — Ли Минъюй похлопал себя по животу. — Сегодня у нас остался один пирожок с начинкой, я оставил тебе половинку!

В год перед выпускными экзаменами матушка Ду отдалилась ото всех. Ли Минъюй редко видел, как она бродит внизу, и Ду Ицзэ тоже стал появляться гораздо реже. Не то что вечерние занятия пропали — даже утром, когда Ли Минъюй выходил в школу, он его не встречал.

Когда после уроков Ли Минъюй снова пригласил Ду Ицзэ и снова получил отказ, он пришёл в ярость, ругаясь, пошёл за ним по пятам:

— Почему в последнее время ты не идёшь со мной играть? Я что, сделал что-то, что тебя расстроило? Чёрт, я с тобой разговариваю!

Ду Ицзэ внезапно обернулся, взял его за руку и спросил:

— Аюй, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Ли Минъюй опешил:

— Не знаю. Ты с чего это начал думать о таком?

— Я хочу поступить в ключевую старшую школу.

Ли Минъюй недоумевал:

— Если ты не поступишь, то кто из нашей школы вообще поступит?

Ду Ицзэ смотрел на линию горизонта в конце улицы:

— Я хочу учиться в лучшем университете.

Ли Минъюй кивнул:

— И потом?

— Чиновником.

— Чиновником? — Ли Миньюй с недоумением склонил голову, на ладонях выступил пот. — Твой отец же больше всего ненавидит казённую службу? Он согласится?

— Когда стану, будет уже по-другому, да?

— Что ты сегодня такое странное говоришь? — Ли Миньюй пинал камешки по краю дороги. — Раньше же говорил, что скорее умрёшь, чем станешь чиновником.

Ду Ицзэ сжимал лямки рюкзака, медленно бредя за Ли Миньюем. Закат вытягивал его тень в длинную полосу.

— В прошлом месяце родители одной девочки из нашего класса из-за того, что не смогли заплатить за учебники, покончили с собой.

Ли Миньюй промычал «угу» и не продолжил тему. Подобных историй они слышали слишком много. Ли Миньюй лишь повзрослев осознал, что дядюшка Лю сделал тот выбор не просто из-за двух печений. В стране с уровнем безработицы в 20 процентов все жили в страхе, никто не был защищён, никто ничего не мог поделать.

Даже при том, что нравы здешнего народа просты, а характер кроток, в такой ситуации не все готовы были сидеть сложа руки. Однако у бунтовщиков — тех, кого называли нарушителями общественного порядка, портящими облик города, и даже готовых отдать жизнь, — мотивация была лишь отчаянием загнанного в угол, готового пойти на всё.

Ли Миньюй в то время ещё не понимал, почему для тех людей потеря работы равносильна отрезанию пути к жизни. Бабушка Ли прикрыла его своим телом, создав маленький клочок тени, поэтому он мог спокойно прятаться в той тени. Он не знал, что в стране, где от образования до медицинского страхования, от трудоустройства до обеспечения старости — всё гарантировано, у людей не бывает больших сбережений. Он тем более не знал, что после того, как страна отвергла этих людей, она не только отказалась нести ответственность, но и создавала одну ложь за другой, пытаясь отрицать, что именно она является тем, кто разорвал договор, предателем. Эти люди изначально были полны надежд, их предки из поколения в поколение жили и работали по порядку, они верили, что их не бросят, что страна обязательно обеспечит им выход, гарантирует жизнь их следующему поколению. Пока не пришла первая холодная зима, и они обнаружили, что не могут позволить себе даже две плитки угля, мало того — они стали обузой для экономического развития, большим пятном, от которого жаждали избавиться.

— У неё был очень хороший китайский, сочинения всегда зачитывали вслух учителя, — в глазах Ду Ицзэ мелькнула редкая скорбь и негодование. — Я хочу, чтобы люди получали положенные им ресурсы, хочу, чтобы девочки, желающие учиться, не бросали школу из-за неподъёмной платы за учёбу, не шли из-за того, что нечего есть...

<http://bllate.org/book/15266/1347227>